

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 2006

Москва
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2007

Т.К.БЕЙСЕМБИЕВ
(Алматы)

Среднеазиатский (чагатайский) *тюрки* и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка)

Только мертвые языки обретают бессмертие.
Антуан де Ривароль (1753–1801)

В мировой истории выдающаяся роль принадлежит так называемым региональным языкам, которые, на протяжении длительного времени будучи средством коммуникации народов и этносов, связанных общим происхождением, близостью культур и единством религии, оставили глубокий след в человеческом развитии.

На мусульманском Востоке Средневековья и Нового времени подобную роль играли арабский и персидский языки. Для принявших ислам тюркских народов и их соседей, как оседлых жителей, так и кочевников, важное значение имел так называемый среднеазиатский *тюрки*, известный также как *чагатайский* (джагатайский) язык. Некоторые исследователи называют его не вполне точным термином *староузбекский язык* (дискуссию по этому поводу см., например, в статье [Благова, 1972, с. 198–205]).

Возникновение и развитие *тюрки* неразрывно связано с эпохой монгольских завоеваний. Самые ранние памятники на этом языке появились в первой половине — середине XIV в. в Чагатайском улусе (*Кисас ал-анбийа* Рабгузи), а также в Хорезме (*Хосров ва Ширин* Кутба и *Мухаббат-наме* Хорезми), т.е. на территории, географически относящейся к Средней Азии, но входившей в состав другой части Чингизовой империи — Улуса Джучи, или Золотой Орды. Подлинный же расцвет литературы на *тюрки* произошел в конце XIV — начале XVI в. на обширной территории Чагатайского улуса — части империи Чингиз-хана, доставшейся по разделу его второму сыну Чагатаю и вклю-

чавшей большую часть Средней Азии (Мавераннахр) и Восточный Туркестан. Отсюда и название языка — *чагатайский* (об этнополитическом значении термина *чагатай* и его эволюции в XIV–XV вв. см. [Manz, 1992, с. 27–45]). Базой для этого языка послужили карлукские говоры Средней Азии (Хорезма и Мавераннахра), а его прямым литературным предшественником можно по праву рассматривать караханидско-тюркский язык XI–XIII вв. При этом следует помнить замечание Э.Н.Наджипа о том, что «языки почти всех средневековых тюркоязычных письменных памятников являются смешанными. В основе языка одних лежит уйгурский, а другие испытали сильное влияние уйгурско-карлукско-чигильского языка. В языке памятников, созданных в последующих веках, обнаруживается при явно уйгурской основе влияние огузско-туркменского, или кипчакского, языка» [Наджип, 1989, с. 244]. Расцвет и распространение среднеазиатского *тюрки* были тесно связаны с деятельностью эмира Тимура — создателя державы Тимуридов, которые рассматривали себя законными преемниками и продолжателями дела Чингиз-хана. Среди литературных памятников, созданных при Тимуре, можно назвать чагатайский перевод *Гулистана* Са'ади, условно названный *Гулистан би-т-турки* (вероятно, для отличия его от другого тюркского перевода, известного как *Гулистан-и Сайфи Сарайи*), выполненный в 800 г.х. (1397/98 г.) неким Исфиджаби (или Сипиджаби)¹, и не дошедшую до нас стихотворную хронику *Та'рих-и хани*.

На раннем этапе своего развития (XIV–XV вв.) среднеазиатский *тюрки* использовал два типа письма — уйгурское и арабское. Первое было введено Чингиз-ханом для централизованного управления его гигантской империей с помощью уйгурских писцов (*битикчи*). Как установил А.П.Григорьев, официальным языком Золотой Орды был до 1380 г. «монгольский, употреблявшийся в уйгурской письменной форме» [Григорьев, 1981, с. 89]. Затем он уступил свое место среднеазиатскому *тюрки*. О степени географического распространения этого языка в официальной сфере дает наглядное представление такой вид документа, как ярлыки, составленные как на уйгурском, так и на арабском письме (ярлык может быть написан уйгурскими буквами, но под каждым словом уйгурского текста дается его арабская транслитерация), — дарственные грамоты верховных правителей либо их реляции о наиболее важных событиях, адресованные своим подданным или соседям. Таковы, например, золотоордынские ярлыки Тохтамыша (к ве-

¹ Уникальный список этого перевода хранится в собрании восточных рукописей Британской библиотеки (шифр Or. 11685, 110 листов).

ликому князю Литвы Ягайло) и Темир-Кутлуга, составленные в 1393 и 1397 гг. соответственно в Поволжье и на берегу Днепра; ярлыки Шах-руха (1422), деда Бабура Абу-Са'ида (1469) и 'Умар-Шайха (ок. 1469), написанные в Средней Азии и Азербайджане [Щербак, 1962, с. 49–51; Султанов, 1978, с. 234–251], и наконец, ярлык турецкого султана Мехмеда II Фатиха (покорителя Константинополя), сочиненный в Карахисаре (на северо-востоке Малой Азии) в 1473 г. по случаю его исторической победы над правителем Узун-Хасаном из династии Ак-Койунлу [Гузев, 1972, с. 227–243; Arat, 1987, с. 821–885].

В некоторых частях бывшей империи Чингиз-хана подобная традиция сохранялась долгое время. А.Н.Самойлович, давая оценку документов, изданных В.В.Вельяминовым-Зерновым в сборнике «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии наук, из Московского Главного архива Министерства иностранных дел» (СПб., 1864), писал: «Заключающиеся в этих объемистых „Материалах“ документы на крымско-татарском языке относятся к периоду времени от XVI по XVII век и свидетельствуют о том, что до конца XVII века османо-турецкому литературному языку не удавалось окончательно заглушить в канцеляриях крымских ханов литературной традиции Джучиева улуса» (цит. по [Кононов, 1982, с. 252]). А.Н.Кононов совершенно справедливо отметил, что старейшие памятники крымско-татарского языка XVII–XVIII вв. «до сих пор со стороны языка не исследованы, потому неизвестно, могут ли они быть безоговорочно причислены к памятникам крымско-татарского языка» [Кононов, 1982, с. 252]. Эти догадки и замечания блестяще подтверждаются в исследовании Ф.М.Хисамовой, где помещены отрывки из двух репрезентативных документов крымских ханов 1613 и 1667 гг. и дана их грамматическая характеристика [Хисамова, 1999, с. 61–70]. По своему языку эти документы продолжают традицию *тюрки* Джучиева улуса и почти не отличаются от памятников чагатайского языка Средней Азии.

В XV в. уйгурское письмо окончательно уступило место арабскому, что было связано с принятием монголами в конце XIII — начале XIV в. ислама в подвластных им мусульманских странах и постепенной интеграцией их с исламской общиной. Арабские и персидские слова, составлявшие в некоторых памятниках на *тюрки* от 60 до 90% всей используемой лексики, как правило, сохраняли свое исконное орфографическое написание, что значительно облегчало усвоение среднеазиатского *тюрки* теми, кто хорошо владел арабским и/или персидским языками. Другим заметным иноязычным лексическим

пластом в *тюрки* была немногочисленная, но широко употребительная монгольская лексика, главным образом административно-правовая и военная (краткий сравнительно-статистический подсчет монголизмов в различных тюркских языках приведен в [Рассадин, 1980, с. 92–94]).

Огромный вклад в распространение и развитие литературы на *тюрки* во второй половине XV в. внес 'Алишер Навои (1441–1501).

В трактате 'Алишера Навои *Мухаккамат ал-лугатайн* («Суждение о двух языках») впервые была предпринята попытка увязать распространение и культивирование чагатайского языка с идеологией чингизизма. По его мнению, до эпохи Хулагу-хана господствовали арабские и сартские султаны и соответственно это было время расцвета литературы на арабском и персидском языках. Но «после эпохи Хулагу-хана — от времени несравненного султана Тимура Корагана и вплоть до правления царственного сына его Шахруха — стали появляться поэты, писавшие на тюркском языке». При этом такие правители, как Сельджукид (т.е. по происхождению тюрков) Тогрул и Музаффарид Шах Шуджа², причисляются Алишером Навои не к тюркским, а сартским султанам! Теперь, согласно Навои, в царствование его покровителя Султан Хусайна наступило благоприятное время для подлинного расцвета литературы на *тюрки* [Алишер Навои, 1970, с. 135–139]².

Блестящий образец литературного памятника на *тюрки* конца этого периода — мемуары Бабура (1483–1530) — *Бабур-наме*, написанные выдающимся представителем поздних Тимуридов и образованнейшим человеком своего времени, с тонким аристократическим вкусом. А.М.Щербак так характеризовал это произведение: «Язык Бабур-наме богат: употребляется самая разнообразная лексика, встречается много интересных с точки зрения истории языка грамматических форм и синтаксических конструкций. Несмотря на широкое использование в тексте арабских и персидских слов, язык Бабур-наме весьма прост» [Щербак, 1962, с. 44].

Итак, широкому распространению чагатайского языка и расцвету литературы способствовало также и то, что творившие на нем писатели широко использовали исламские мировые языки — арабский и особенно персидский и нередко лучшие литературные образцы на них — в качестве модели для своих произведений на *тюрки* (см. обобщающую теоретическую работу проф. Берта Фрагнера, в которой трактуется вопрос о влиянии и роли фарси в становлении чагатайского как регионального языка [Fragner, 1999, с. 58, 82–90]).

² На эту идеологическую особенность трактата Навои любезно обратил мое внимание проф. Берт Фрагнер (Бамбергский университет, Германия).

XVI–XVIII века отмечены развитием среднеазиатского *тюрки* как в функциональном, так и географическом смысле. Завоевавшие Мавераннахр в начале XVI в. кочевые узбеки во главе с Шибанидами, а с начала XVII в. — Аштарханидами были выходцами из Дешт-и Кипчака. Слабо владевшая персидским и арабским языками узбекская кочевая знать проявляла интерес к переводам с этих языков на близкий и понятный ей среднеазиатский *тюрки*. Поэтому в XVI в. появились переводы таких крупных произведений на фарси, как толкование Корана *Тафсир-и Йа'куб-и Чархи*; исторические хроники *Та'рих-и Табарри*, *Джами' ат-таварих* Рашид ад-Дина (два разных перевода), *Зафар-нама* Шараф ад-Дина 'Али Йазди (также два перевода); политический трактат *Насихат ал-мулук* Абу Хамида ал-Газзали. Сюда же, по-видимому, следует отнести целых три чагатайских перевода (один — на уйгурском, два — арабским письмом) сочинения персидского классика начала XIII в. Фарид ад-Дина 'Аттара *Тазкират ал-авлия* [Stokey, 1972, с. 932]³. Эта традиция сохранялась вплоть до XIX — начала XX в., когда в Хивинском ханстве на *тюрки* переводились не только персидские, но и турецкие и арабские сочинения.

Объективно эти процессы укрепляли связи Казахстана со Средней Азией. И как следствие этого, среднеазиатский *тюрки* выполнял в казахских степях в XVI–XIX вв. функцию делопроизводственного языка и широко использовался в дипломатической переписке. Например, известное письмо Абу-л-Хайр-хана (1730 г.) к императрице Анне Иоанновне с просьбой принять Младший казахский жуз в российское подданство было составлено именно на среднеазиатском *тюрки*. Казахский же, как живой разговорный язык, господствовал в устном народном творчестве.

В архивных собраниях России, Казахстана и КНР сохранилось большое число документов XVIII–XIX вв. казахского происхождения на этом языке. По грамматическим и палеографическим признакам в них можно выделить локальные различия. Например, документы из Младшего жуза характеризуются наличием татарских, а в некоторых случаях — даже огузских (например, использование форм возвратного местоимения *kendi* вместо *özi*) грамматических элементов. Последний случай указывает, скорее всего, на османско-турецкое влияние, шедшее опосредованно — через делопроизводственную практику Крымского ханства позднего периода (вторая половина XVII — XVIII в.) и

³ Не отмеченный в этом справочнике перевод, выполненный в 929 г.х. (1522/23) Шах Дарвишем ибн 'Али-шахом, хранится в Британской библиотеке (шифр Or. 12989, 376 листов).

Северного Кавказа. С другой стороны, в документах, составленных по приказанию Кенесары Касымова, хорошо прослеживается среднеазиатская традиция: у его писем четкий почерк — среднеазиатский наставник, а их язык близок к литературному среднеазиатскому *тюрки*. Таким образом, в силу того что литературная традиция на чагатайском языке господствовала в Средней и Центральной Азии и долго сохраняла свои позиции в Поволжье и Крыму, становится понятным, почему именно этот язык длительное время служил в качестве письменного во всех казахских жузах.

В XVI–XIX вв. среднеазиатский *тюрки* был общим литературным языком казахского, узбекского и уйгурского народов, так что произведения, создававшиеся на нем, например, в среднеазиатских ханствах, были вполне понятны образованным и даже просто грамотным казахам. В XIX в. на *тюрки* были впервые написаны сочинения об отдельных городах юга Казахстана, например сказание о Сайраме.

Необходимо отметить также такой важный аспект, касающийся роли среднеазиатского *тюрки* для истории и культуры казахского и других кочевых народов Средней и Центральной Азии, как фиксация и письменная передача произведений *устной степной историографии* (понятие, впервые введенное в научный оборот моим учителем — крупным казахстанским востоковедом Вениамином Петровичем Юдиным [1928–1983]). Согласно мнению В.П.Юдина, степная устная историография — это историческое знание кочевников Дешт-и Кипчака (т.е. предков кочевых узбеков, казахов и каракалпаков), которое в послемонгольский период предстает уже выделившимся из общего знания кочевников в особую область — память самих субъектов истории о своем прошлом. Этот вид знания не может быть определен как просто «устная традиция», «легенды» и «предания» или сведен к мифологии или героическому эпосу, поскольку сам фольклор питался степной устной историографией.

В некоторых случаях устная историография была отражена и зафиксирована в письменных трудах, которые представляют собой как бы сборники исторических рассказов и выступают источниками степной устной историографии. Эти рассказы-главы имели специальное название — *qari söz* — «старое слово», «древний сказ» (отсюда, кстати, термин современного казахского языка *qara söz*, означающий «проза»). Этим данные сочинения отличаются от обычных восточных придворных и других историографий. Нередко в них своеобразно переплетаются элементы степной устной и восточной письменной историографий. Специальное изучение источников степной устной исто-

риографии позволит реконструировать историческое знание кочевников Дешт-и Кипчака как феномен, систему и индикатор уровня развития кочевой культуры. К этой категории источников В.П.Юдин относил написанные на среднеазиатском *тюрки Таварих-и гузида-йи нусрат-нама* предположительно Мухаммад Шайбани-хана, *Чингиз-нама* Утемиш-хаджи (XVI в.), *Сборник летописей* Кадыр-‘Али Джалаира и *Шаджара-йи турк ва могул* Абу-л-Гази-хана (XVII в.) и др. [Юдин, 1992, с. 57, 64–66]. Наряду с письменной восточной историографией *устная степная историография* должна стать предметом специального внимания⁴. Кроме того, в большинстве арабских, персидских, тюркских и других исторических сочинений могут быть выявлены значительные отрывки, восходящие к устной историографии или выступающие ее прямой фиксацией.

Бабур, завоевавший Северную Индию и основавший империю Великих Моголов, завершил свои мемуары (*Бабур-наме*) в Дели и, быть может, сам того не подозревая, положил начало распространению и культивированию литературной традиции на среднеазиатском *тюрки* на Индостанском субконтиненте в течение трех последующих веков — от начала XVI до середины XIX в. На *тюрки* писали стихи сыновья Бабура Хумайун, Мирза Камран, Мирза ‘Аскари и Мирза Хиндал. Не так давно в Индии обнаружен диван тюркских стихов Мирза Мухаммад-Хайдар Дуглата — автора *Та’рих-и Рашиди*. В XVI в. на среднеазиатском *тюрки* писали индийские поэты Калан, Шайх Зайн, Турдыбек, Хаксар, Байрам-хан и др. Сын Байрам-хана ‘Абд ар-Рахим в совершенстве владел персидским и арабским языками, писал прекрасные стихи на хиндустани и *тюрки*. Именно ему внук Бабура Акбар поручил перевод *Бабур-наме* на фарси, так как он слыл лучшим знатоком чагатайского языка при дворе Великих Моголов [Низамутдинов, 1981, с. 20–21]. Культивирование чагатайского языка было тесно связано с господствовавшей в империи Великих Моголов «чагатайской государственной идеей»: Великие Моголы, будучи потомками Тимура, рассматривали свою прародину — Среднюю Азию, т.е. территориальное ядро Чагатаева улуса, как законное владение. Правление там

---

⁴ В одной из посмертно опубликованных работ В.П.Юдин писал: «Подобно археологам, добывающим из-под земли памятники материальной культуры и воскрешающим по ним далекое прошлое народов, источниковеды должны воскресить степную устную историографию, вернуть эту большую и забытую область культуры потомкам ее создателей — казахскому, каракалпакскому и другим народам, возродить их былую память о самих себе. Это — нелегкая задача. Но это долг исследователей — почетный и благородный» [Юдин, 1992, с. 66].

династий Шибанидов и Аштарханидов расценивалось в могольской Индии как вопиющее нарушение Чингизовой традиции, поскольку Шибаниды и Аштарханиды, хотя и были Чингизидами, происходили от старшего сына Чингиз-хана Джучи и поэтому не имели права на улус его второго сына Чагатая, законными наследниками которого Великие Моголы считали своего предка Тимура и Тимуридов. Не случайно в XVI–XVIII вв. термины *чагатаи*, *чагатайское войско* употреблялись применительно к Великим Моголам, а в XVIII в. «большинство людей в Хиндустане» считало Великих Моголов уже потомками Чагатай-хана [Хадикат ал-акалим, с. 450] (подробнее об этом идеологическом феномене см. [Бейсембиев, 1991, с. 26–32]).

Сфера применения *тюрки* в Индии была узкой [Schimmel, 1981, с. 156–162; Бейсембиев, 1988, с. 235–244] (подробнее о функционировании чагатайской государственной идеи в Индии и Мавераннахре в XVII–XIX вв. см. [Beisembiev, 2002, с. 65–69; Бейсембиев, 2004, с. 97–114]). *Тюрки* стал аксессуаром элитарной культуры при дворах мусульманских властелинов. Для них было честью не только прославиться благородными деяниями, но и оставить после себя, пусть небольшое, собрание стихов на *тюрки*. На этом поприще отличились в XVI в. могольский наместник Гуджарата при Акбаре ‘Али-кули-хан ибн Хайдар, писавший под тахаллусом *Султан* [Низамутдинов, 1981, с. 21], а в XVIII в. — независимый правитель огромного княжества Хайдарабад на юге Индии ‘Имад ал-Мулк Гази ад-Дин III (1737–1800). Здесь присутствовал также идеологический подтекст: культивируя чагатайский язык, эти правители подчеркивали, что они — законные преемники Великих Моголов в различных областях их некогда единой империи, доказывая это даже тем, что ревностно следуют им в поощрении литературы на *тюрки*. Тем самым эти правители автоматически признавали Чингизово право и распространяли его действие на весь Индостанский субконтинент. Не случаен и тот факт, что один из самых исправных списков *Бабур-наме* по сей день хранится в собрании Салар Джанг — бывшей личной библиотеке правителей (низамов) Хайдарабада.

Знание *тюрки* было полезным в дипломатических контактах самых различных регионов. Так, известны письма золотоордынских ханов к турецким султанам XIV–XV вв., тюркоязычная переписка могольского правителя Шах-Джахана (1627–1658) и турецкого султана Мурада IV (1623–1640), письма на *тюрки* правителя Майсура (на крайнем юге Индии) Типу Султана (ум. в 1799 г.) к османским властителям ‘Абд ал-Хамиду I и Селиму III с целью добиться от них подтверждения своего султанского титула. В 1675 г. на *тюрки* была составлена

грамота русского царя Алексея Михайловича императору Великому Моголу Аурангзебу с предложением об установлении дипломатических отношений между Россией и Индией. В свою очередь, Аурангzeb выдал в конце XVII в. русскому купцу Семену Маленькому фирман на *тюрки* об освобождении его от пошлин при продаже русских и закупке индийских товаров. Кроме того, известна грамота персидского шаха Хусайна Петру I об отправлении С. Маленького из Ирана в Индию (все три указанные грамоты опубликованы в [Сборник, 1958, с. 205–209, 365–370]).

Таким образом, в XIV–XIX вв. среднеазиатский *тюрки* имел большое культурное значение для народов Евразии. Как литературным и деловым языком им пользовались в Средней Азии и Казахстане, в Восточном Туркестане и Поволжье, в Крыму и Хорасане, Индии и Малой Азии, в которой утверждался родственный чагатайскому османско-турецкий литературный язык. Как наиболее распространенный, развитый и «исламизированный»⁵ тюркский язык, среднеазиатский *тюрки* способствовал культурной и конфессиональной интеграции самых различных народов и этносов, кочевых и оседлых, тюркских, иранских, индоарийских, финно-угорских (имеются в виду марийцы и удмурты, которые испытали глубокое влияние исламской культуры через тюркские языки, и народы Поволжья и Приуралья). Он оказал влияние на родственные и современные ему тюркские языки — османско-турецкий, мамлюко-кипчакский, азербайджанский и поволжско-татарский. Некоторые татарские исследователи, рассматривая памятники на среднеазиатском *тюрки*, написанные в Поволжье в XVI–XVIII вв., безоговорочно относят их к произведениям старотатарской литературы. В этом нет ничего удивительного, так как в тот период среднеазиатский *тюрки* был литературным языком татарского народа, а впоследствии оказал решающее влияние на формирование собственно татарского литературного языка, не только родственного, но и фонетически близкого среднеазиатскому *тюрки*.

В Средней Азии чагатайский *тюрки* сыграл едва ли не решающую роль в процессе выделения среднеазиатского фарси в региональный вариант классического персидского языка. Среднеазиатский фарси, распространенный в Средней Азии и Восточном Туркестане в XVI–XIX вв., был официальным письменным (и элитарным) языком Бухарского эмирата и Кокандского ханства, являлся региональным вариантом классического фарси и, находясь на переходном этапе от класси-

⁵ Понятие «исламизированный» применительно к языку обосновывается и толкуется на примере фарси в упомянутой работе Б. Фрагнера [Fragner, 1999, с. 27–33].

ческого фарси (X–XV вв.) к современному таджикскому литературному языку (конец XIX — XX в.), представлял собой особый этап развития таджикского языка. Позднее, в XX в. среднеазиатский фарси превратился в современный таджикский литературный язык. В отмеченный период в Средней Азии успешно функционировало *тюркско-персидское*, или *тюркско-таджикское*, *двуязычие*: в оазисах Бухары, Самарканда и Ферганы *тюрки* в официальной и делопроизводственной сфере уступал место среднеазиатскому фарси, но постоянно влиял на него⁶, а в Хорезме он безусловно преобладал, испытывая, в свою очередь, сильное воздействие фарси. При этом дипломатическая переписка бухарских эмиров с казахскими ханами, а кокандских ханов — с властями Синьцзяна велась на *тюрки*. Таким образом, принцип двуязычия применялся с известной гибкостью. В XIX в. в Фергане и Кокандском ханстве *тюрки* как разговорный язык был распространен шире, чем в Бухаре: один кокандский хронист не без гордости отмечает, что эмир Бухары Хайдар (1800–1826) признавался, что никогда не писал стихов на *тюрки*, в то время как его соперник — правитель Коканда ‘Умар-хан (1811–1822/23) свободно сочинял стихи на этом языке. Тогда же в Хорезме и Фергане был создан ряд крупных тюркских хроник. Например, опубликованный проф. Ю.Э.Брегелем текст хивинской хроники *Фирдаус ал-икбал* составляет 1201 страницу [Firdaws al-Iqbal, 1988 (см. англ. перевод этой хроники [Firdaws al-Iqbal, 1999])].

В свою очередь, среднеазиатский фарси оказывал глубокое влияние на *тюрки*. Процесс взаимодействия этих языков проходил в этот период очень интенсивно, так что языковая интерференция на уровне тюркско-таджикского литературного билингвизма достигла тогда своего апогея, что особенно ярко проявилось в Фергане — зоне интенсивных языковых контактов [Бейсембиев, 1999, с. 615–624].

Известен ряд двуязычных писателей, например Камал ад-Дин Бина’и (1453–1512), автор известной хроники *Шайбани-наме* на фарси и переводчик на среднеазиатский *тюрки* персоязычной космографии ‘*Аджа’иб ал-махлукат*; уже упомянутый выше Мирза Мухаммад-Хайдар Дуглат и др. Естественно, что и язык фарси Ирана, Индии и других регионов также испытывал влияние чагатайского языка.

⁶ В мангытской Бухаре официальным устным языком был *тюрки*, но языком документов — фарси [Андреев, Чехович, 1972, с. 44]. Хотя в Бухаре исторические сочинения в XVIII–XIX вв. писались, как правило, на фарси, даже и там сочинялись тюркоязычные поэмы на исторические темы, например поэма об эмире Хайдаре (1800–1826) и незаконченная поэма о воцарении эмира Музаффера и его походе на Коканд (1860–1863) [Дмитриева, 1980, с. 161, № 671–672].

Следует особо отметить развитие чагатайского языка в Восточном Туркестане. В XVIII — начале XX в. здесь он постепенно вытеснил персоязычную литературу, давшую там блестящие образцы в предшествующий период — XVI—XVII вв. (*Та'рих-и Рашиди* Мухаммад-Хайдар Дуглата, *Анис ат-талибин* и *Та'рих* Мирза Шах-Махмуда Чураса). В XVIII — начале XX в. в Восточном Туркестане на тюрки помимо богатой поэтической литературы были созданы такие значительные прозаические произведения, как *Та'рих-и Кашгар* неизвестного автора и *Ислам-нама* Мулла 'Абд ал-'Алима (XVIII в.), *Тазкира-йи 'азизан* Мухаммад-Садики Кашгари и тюркский перевод *Та'рих-и Рашиди* (первая половина XIX в.), целый ряд хроник, посвященных истории государства Йа'куб-бека (последняя треть XIX — начало XX в.). Уже с начала XVIII в. в этих памятниках прослеживаются элементы разговорного новоуйгурского языка, в частности кашгарского диалекта [Юдин, 1969, с. 398].

Интересно, что маньчжурское завоевание Восточного Туркестана и включение его в состав провинции Синьцзян Цинской империи в середине XVIII в. отнюдь не препятствовали развитию там не только тюркского, но даже и персидского языка⁷ вплоть до конца XIX — начала XX в. Это объясняется тем обстоятельством, что стоявшая тогда у власти в Поднебесной маньчжурская династия разработала имперскую концепцию и идею, которая резко отличалась как от предшествующей (периода китайской династии Мин), так и от последующих государственных концепций. Согласно этой идее, особенно широко применявшейся на практике в так называемый среднецинский период (с середины XVIII до конца XIX в.), все завоеванные к западу от Китая земли рассматривались как исключительно маньчжурские приобретения и даже как собственность императорского домена. Их китайская колонизация сначала вовсе не допускалась, а позже строго регламентировалась. Высшая администрация в Синьцзяне была укомплектована исключительно маньчжурами. В делопроизводственной сфере допускалось «гармоничное» употребление маньчжурского, монгольского, китайского, чагатайского и тибетского языков. Многие официальные справочники состояли из параллельных текстов на этих пяти языках. В конце XVIII в. был написан ряд многоязычных тезаурусов, на

⁷ Последние крупные персоязычные сочинения были созданы там в третьей четверти XIX в. Это сборник стихотворных хронограмм на различные события в Средней Азии и Синьцзяне в 1823–1856 гг. (429 л.) *Таварих-и манзума* Имама 'Али Кундузи (1856–1857) и хроника истории Коканда и государства Йа'куб-бека (107 л.) *Та'рих-и Сигари*, написанная полководцем Йа'куб-бека 'Абдаллах Амир-и Лашкаром (1874).

стелах и изображениях появились многоязычные надписи и т.п. Сам император Цяньлун (1711–1799, правил в 1736–1795 гг.) знал монгольский, чагатайский и тибетский языки [Rawski, 1998, с. 255]. Дипломатическая переписка пекинского двора со среднеазиатскими владельцами (например, с казахскими ханами или правителями Коканда) осуществлялась, разумеется, на чагатайском языке. Только в конце XIX в., после подавления освободительного восстания в Синьцзяне (1864–1878) и ликвидации государства Йа'куб-бека, Цины в силу объективных факторов во многом отказались в своей политике в Синьцзяне от подобного «мультикультурализма» и многоязычия и выдвинули на первое место китайский элемент как главный фактор в империи.

Великое культурное значение среднеазиатского *тюрки* ясно представляли себе его современники. С конца XV в. на Ближнем и Среднем Востоке существовала традиция составления чагатайско-турецких и чагатайско-персидских словарей, этих бесценных лексикографических источников. Среди них наиболее полными были чагатайско-персидские: в XVIII в. — словари Мухаммад-Таки-бека Кара-Койунлу (Индия) [Асланов, Бахшалиева, 1981, с. 11–13] и Мирзы Мухаммад-Махди-хана Астарабади (Иран), а в XIX в. — словарь Фатх-‘Али Казвини, происходившего из тюркского племени каджар (Иран) [Щербак, 1962, с. 56–60]. Факсимильное издание одной из рукописей словаря Махди-хана см. [Sanglax, 1960]; современное иранское издание этого словаря по двум другим рукописям из Тегерана (но с пропуском всех стихотворных примеров) см. [Санглах, 1996]. Махди-хан Астарабади был исключительно одаренной фигурой: как секретарь и историограф Надир-шаха он оставил на фарси две важные хроники его правления, одна из которых — *Дурра-йи надира*⁸ — редкий образец крайне усложненного и изысканного стиля в персидской прозе. Ему же принадлежит написанная на фарси грамматика чагатайского языка *Мабани ал-лугат* [Mirza Mehdi Khan, 1910].

Во второй половине XIX — первой трети XX в. наступает новая историческая эпоха. В Центральной Евразии происходят социально-экономические, политические и культурные изменения, связанные с бурным развитием капитализма, новой расстановкой политических сил в Европе и колониальной экспансией и соперничеством европейских и других держав в Азии и, наконец, социальной революцией в России. Исчезают среднеазиатские ханства — последние очаги

⁸ Она была переведена на чагатайский в Хиве в середине XIX в. Список этого перевода хранится в Российской Национальной библиотеке (СПб.) под шифром ТНС [Дмитриева, 1972, с. 78].

господства Чингизова права. В 1920 г. прекращает существование Хивинское ханство, в котором чагатайский язык был все еще официальным. Вследствие отмеченных выше факторов быстрыми темпами идут секуляризация и европеизация общества; рост национального самосознания населявших Россию тюркских и иных народов; формирование наций, национальных языков, литератур и культур. В этих условиях культурно-историческая миссия среднеазиатского *тюрки* завершается, он теряет свое значение и постепенно выходит из употребления.

Следует отметить, что в Средней Азии в колониальный период (1860-е — 1917 г.) происходит небывалый расцвет чагатайской литературы, чему способствовало, с одной стороны, прекращение функционирования среднеазиатского фарси как официального языка на территории Туркестанского генерал-губернаторства (образованного, как известно, из территорий бывшего Кокандского ханства и частично — Хивинского ханства и Бухарского эмирата), а с другой — бурное развитие печатного дела (главным образом литографических изданий). Распространение печатной литературы на чагатайском языке в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. — важный, но все еще не изученный вопрос, который ждет своих исследователей. К несомненным ее достижениям относится, например, вышедший в Ташкенте великолепный тюркский перевод «1001 ночи» (выполненный с очень хорошего персидского перевода 'Абд ал-Латифа ат-Тасуджи ат-Табризи, законченного в 1843 г., вскоре после выхода в 1835 г. арабского (каирского) печатного издания сказок, и впервые опубликованного на фарси в Тебризе в 1845 г.), принадлежащий перу Сирадж ад-Дина Махдума Хандаклики Искандари «Сидки» объемом в 702 с. и форматом $\frac{1}{4}$ folio⁹. По своему художественному уровню и полноте он превосходит все последующие переводы «1001 ночи» на современные тюркские языки, кроме, пожалуй, азербайджанского, вышедшего в Баку в 1970-е годы под общей редакцией известного арабиста академика З.М.Буниятова. В этот же период лексика среднеазиатского *тюрки* значительно обогащается за счет заимствований из русского языка [Усмонов, Хамидов, 1981].

Современные языки (и соответственно литературы), возникшие на базе чагатайского языка (узбекский и уйгурский) или входившие в сферу его влияния (казахский, туркменский, киргизский, каракалпакский, ногайский, кумыкский, азербайджанский, татарский, крымскотатарский, таджикский и др.), во многом обязаны своим быстрым развитием в XX столетии именно этому языку и литературе на нем. Исследования же по истории казахского языка показывают, что его ста-

⁹ Алф лайла ва лайла-йи турки ба тасвир. Джилд-I-II. Ташкент, 1332/1914.

новление в XIX в. проходило через постепенное преодоление фонетико-орфографических традиций среднеазиатского *тюрки*, что особенно характерно проявлялось в языке *кисс*, в большинстве своем представлявших «рассказы о „священных“ походах арабских завоевателей и жизнеописания мусульманских святых» [Абилхасимов, 1982, с. 1].

Лингвистическая ситуация в Средней Азии в XIV–XIX вв. — период функционирования чагатайского *тюрки* — вполне сопоставима с таковой в Эфиопии в этот же период. *Тюрки* по отношению к современным ему тюркским языкам Средней Азии можно сравнить с языком геэз (классическим эфиопским), который, став мертвым после X в., продолжал использоваться в качестве книжного языка вплоть до начала XX в. во многом благодаря тому, что живые семитские языки Эфиопии — амхарский, тигре, тигринья, харари, гураге и т.д. — родственны геэзу. Интересно еще отметить, что если образцом для составления произведений на чагатайском языке служила классическая персидская и в меньшей степени — арабская литература, то для классической эфиопской литературы на языке геэз образцом также служили арабо-христианская литература и в значительной мере — арабский литературный язык¹⁰.

Самые выдающиеся среднеазиатские литераторы XX в. были основоположниками одновременно двух национальных литератур (например, С. Айни — таджикской и узбекской)¹¹, развивая тем самым старинную традицию литературного двуязычия. «Вспомнили» о чагатайском языке и в период кемалистской революции в Турции. Уже в 1931 г. в предисловии к «Турецко-русскому словарю» Д.А.Магазаника отмечалось: «За последнюю четверть века турецкий язык испытывал

¹⁰ Профессор Б.А.Тураев отмечал по этому поводу: «1270 год знаменует новую эру для Абиссинии не только в ее истории, но и литературе. Укрепление власти за „Соломоновой династией“, возводящей себя к царю и поэту Иерусалима, содействует политическому и духовному возрождению. Уровень просвещения повышается благодаря более регулярным сношениям с Египтом, и литературная традиция уже не прерывается впоследствии так резко, как это произошло в предшествующий период. Достаточно сказать, что за все время от падения старого Аксумского царства до 1270 года не сохранилось почти ни одного памятника письменности, нет ни одной эфиопской рукописи старше этой даты. Соломонова династия застает расцвет христианско-арабской литературы в Египте, и с этого времени эфиопская письменность подпадает под ее исключительное влияние. Переводы с греческого, существовавшие в древнем периоде, уступают свое место переводам с арабского. Арабский язык становится настолько обычным в литературных кругах, что иногда в основе даже оригинальных эфиопских произведений лежит арабский набросок, составленный самим автором. Воздействие на форму и тип произведений сказывается, конечно, еще сильнее, и, может быть, не без арабского влияния начинают появляться исторические произведения» [Тураев, 1936, с. 11].

¹¹ В этом смысле роль, подобную С.Айни, на Балканах сыграл Шемсеттин Сами-Фрашери (1850–1904), турецкий писатель и лексикограф и одновременно — один из основоположников албанской литературы.

большие изменения... с одной стороны, уменьшается количество восточного иностранного элемента (персидского и арабского)... а с другой — хлынул поток западных (французских) слов и „чагатаизмов“, показателей национального уклона» [Магазаник, 1931, с. 2]. Широкое введение чагатаизмов в турецкий язык продолжало давно забытую традицию обращения к среднеазиатскому *тюрки* на раннем этапе истории османско-турецкого языка (XIV–XV вв.).

Наконец, как интегрирующий фактор чагатайский язык, наряду со среднеазиатским фарси, сыграл главную роль в формировании среднеазиатской культурно-исторической общности (казахского, каракалпакского, киргизского, таджикского, туркменского и узбекского народов) на лингвистическом уровне — того, что принято называть *языковым союзом* (тюркские языки Средней Азии плюс таджикский язык). Понятие «языковой союз» было так впервые сформулировано в 1923 г. выдающимся идеологом евразийства Н.С.Трубецким: «Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием. Для таких групп, основанных не на генетическом принципе, мы предлагаем название „языковых союзов“... Такие „союзы“ генетически, по-видимому, неродственных лингвистических семейств имеются по всему Земному шару» [Трубецкой, 1995, с. 333]¹². Вопрос о языковом союзе в Средней Азии следует изучить специально, лингвистических источников, например, периода XVIII–XIX вв. для этого имеется более чем достаточно; их остается лишь исследовать. Общее историко-источниковедческое ознакомление с ними дает основание утверждать о существовании *среднеазиатского языкового союза*, формой которого было широко распространенное именно в Средней Азии XVI–XIX вв. тюркско-таджикское литературное двуязычие.

Абилхасимов, 1982 — *Абилхасимов Б.* О языке казахских кыс // Известия АН КазССР. Серия филологическая. Алма-Ата, 1982, № 1.

Алишер Навои, 1970 — *Алишер Навои.* Суждение о двух языках // *Алишер Навои.* Собрание сочинений в десяти томах. Т. X. Возлюбленный сердце. Суждение о двух языках. Таш., 1970.

¹² Ярким примером «языкового союза» в Европе Н.С.Трубецкой называл балканские языки — болгарский, румынский, албанский и новогреческий. Я считаю, что по отдельным признакам к этому союзу можно причислить даже турецкий язык. Вообще, османско-турецкий фактор в формировании балканского языкового союза оценивается пока недостаточно.

- Андреев, Чехович, 1972 — *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Арк (кремль) Бухары в конце XIX — начале XX в. Душанбе, 1972.
- Асланов, Бахшалиева, 1981 — *Асланов Г.Ю., Бахшалиева С.Б.* О новонайденном уникальном тюркском словаре и его значении для изучения истории и культуры тюркских народов // *Бартольдские чтения 1981, год пятый. Тез. докл. и сообщ. М., 1981.*
- Бейсембиев, 1988 — *Бейсембиев Т.К.* Значение персо- и тюркоязычных источников в изучении культурных взаимосвязей Средней Азии и Казахстана с Индией в XVI–XIX вв. // *Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988.*
- Бейсембиев, 1991 — *Бейсембиев Т.К.* Чингизово право на Востоке и политико-правовые учения в соседних регионах (на примере сарматизма в Речи Посполитой XVI–XVIII вв.) // *Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1991, № 4.*
- Бейсембиев, 1999 — *Бейсембиев Т.К.* Особенности употребления каузативных глаголов в персоязычных сочинениях кокандской историографии XIX века // *Мир языка. Материалы научно-методической конференции, посвященной памяти М.М.Копыленко. Алматы, 1999.*
- Бейсембиев, 2004 — *Бейсембиев Т.К.* Возрождение чагатайской государственной идеи в Мавераннахре (конец XVIII — начало XIX в.) // *Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дешт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004.*
- Благова, 1972 — *Благова Г.Ф.* Тюркск. *чауатај* — русск. *чагатай-/джагатай* (Опыт сравнительного изучения старого заимствования) // *ТС 1971. М., 1972.*
- Григорьев, 1981 — *Григорьев А.П.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // *ТС 1977. М., 1981.*
- Гузев, 1972 — *Гузев В.Г.* О ярлыке Мехмеда II // *ТС 1971. М., 1972.*
- Дмитриева, 1972 — *Дмитриева Л.В.* Тюркские рукописи коллекции «новая серия» собрания Государственной Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина // *Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972.*
- Дмитриева, 1980 — *Дмитриева Л.В.* Описание тюркских рукописей Института востоковедения. III. Поэзия и комментарии к поэтическим сочинениям, поэтика. М., 1980.
- Кононов, 1982 — *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России (до-октябрьский период). Л., 1982.
- Магазаник, 1931 — *Магазаник Д.А.* Турецко-русский словарь / Под ред. проф. В.А.Гордлевского. М., 1931.
- Наджиб, 1989 — *Наджиб Э.Н.* О средневековых литературных традициях и смешанных книжных тюркских языках // *Наджиб Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. М., 1989.*
- Низамутдинов, 1981 — *Низамутдинов И.Г.* Очерки истории культурных связей Средней Азии и Индии в XVI — начале XX в. Таш., 1981.
- Рассадин, 1980 — *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980.

- Санглах, 1996 — *Санглах*. Фарханг-и турки ба-фарси аз сада-йи дуваздаҳум-и хиджри... Асар-и Мирза Махди Астарабади-йи мунши-йи Надир-шах ва нави-санда-йи Тарих-и джахангуша-йи надири ва Дурра-йи надири. Виравстар Рав-шан Хайавари. Тихран, 1384/1996.
- Сборник, 1958 — Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958.
- Султанов, 1978 — *Султанов Т.И.* Письма золотоордынских ханов // ТС 1975. М., 1978.
- Трубецкой, 1995 — *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. Вступительные ста-ти академика Н.И.Толстого и профессора Л.Н.Гумилева / Сост., подгот. тек-ста и коммент. докт. филол. наук В.М.Живова. М., 1995.
- Тураев, 1936 — *Тураев Б.А.* Абиссинские хроники XIV–XVI вв. М.; Л., 1936.
- Усмонов, Хамидов, 1981 — *Усмонов О., Хамидов Ш.* Ўзбек тили лексикаси тари-хидан материаллар (XIX асрнинг охири — XX асрнинг бошлари). Тошкент, 1981.
- Хадикат ал-акалим — *Муртаза Хусайн Аллах Йар 'Усмани Билграми.* Хадикат ал-акалим. Лакхнау, 1296/1879.
- Хисомова, 1999 — *Хисомова Ф.М.* Татарский язык в восточной дипломатии Рос-сии (XVI — начало XIX в.). Казань, 1999.
- Щербак, 1962 — *Щербак А.М.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.
- Юдин, 1969 — *Юдин В.П.* Та'рих-и Кашгар // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Ал-ма-Ата, 1969. (Перепечатана в кн.: *Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г.* Письмен-ные источники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XIII–XVIII вв. (библиографические обзоры). Алматы, 2001).
- Юдин, 1992 — *Юдин В.П.* Переход власти к племенным биям и неизвестной дина-стии Тукатимуридов в казахских степях в XIV в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предистории Ка-захского ханства) // *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсимиле, перевод, тран-скрипция, текстол. примеч., исследование В.П.Юдина. Алма-Ата, 1992.
- Arat, 1987 — *Arat R.R.* Un yarlik de Mehmed II, le Conquerant // *Arat R.R.* Makaleler. Cilt I. Ankara, 1987.
- Beisembiev, 2002 — *Beisembiev T.K.* Moghul India's Campaign in Northern Afghani-
stan 1646–1647 in the Mirror of Contemporary Ideology // Казахстан — Индия: древность, средневековые и современность / Kazakhstan and India: Through An-
cient, Medieval and Modern Times. Алматы, 2002.
- Firdaws al-Iqbal, 1988 — *Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi.* Firdaws al-Iqbal: History of Khorezm. Ed. by Yuri Bregel. Leiden, 1988.
- Firdaws al-Iqbal, 1999 — *Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi.* Firdaws al-Iqbal: History of Khorezm. Translated from Chaghatay and anno-
tated by Yuri Bregel. Leiden, 1999.
- Fragner, 1999 — *Fragner B.* Die «Persophonie»: Regionalität, Identität und Sprach-
kontakt in der Geschichte Asiens. B., 1999.
- Manz, 1992 — *Manz B.F.* The Development and Meaning of the Chaghatay Identity // Muslims in Central Asia: Expressions of Identity and Change. Edited by Jo-Ann Gross. Durham; London, 1992.

- Mirza Mehdi Khan, 1910 — *Mirza Mehdi Khan*. The Mabani 'l-Lughat Being a Grammar of the Turki Language in Persian / Ed. by E. Denison Ross. Calcutta, 1910.
- Rawski, 1998 — *Rawski E.* The Last Emperors: A Social History of Qing Imperial Institutions. Berkeley; London, 1998.
- Sanglax, 1960 — Sanglax. A Persian Guide to the Turkish Language, by Muhammad Mahdi Xan. Facsimile text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. L., 1960.
- Schimmel, 1981 — *Schimmel A.* Türkisches in Indien // Scholia. Beiträge zur Turkologie und Zentralasienkunde. Annemarie von Gabain zum 80. Geburtstag am 4. Juli 1981 dargebracht von Kollegen, Freunden und Schülern. Wiesbaden, 1981.
- Storey, 1972 — *Storey C.A.* Persian Literature. A Bio-Bibliographical Survey. Vol. I. Part 2. Biography. Additions and Corrections. Indexes. L., 1972.